

Сюй Ци вдруг почувствовал холод – то ли от резкого падения температуры, то ли от того, что на нем был только один свитер, который плохо грел. Он словно оцепенел, не в силах шевельнуться, и даже глаза не моргали, прикованные к Цзян Яню.

— Откуда эти раны? — спросил он.

Цзян Янь не ответил.

Мужчина перед ним казался совершенно чужим. С обнаженным торсом, слегка склонив голову, с легкой улыбкой на губах – он не проявлял никакой явной агрессии, но все его существо так и лучилось опасностью.

Опасностью? Но в чем она заключалась?

Взгляд Сюй Ци замер на его предплечьях. Он раз за разом осматривал порезы, явно нанесенные ножом. Они накладывались один на другой, и из-за того, что были сделаны одинаково, в этом беспорядке проступала жуткая системность, от которой в голове у Сюй Ци начинало звенеть.

Он уже знал ответ, но боялся признаться себе в этом, не хотел верить.

Это не должно было зайти так далеко, этого нельзя было допускать...

— Цзян Янь... — выдавил Сюй Ци сквозь зубы. — Подойди ко мне.

Цзян Янь не послушался и медленно покачал головой. Снять одежду можно было и вблизи, а раз он заранее отошел подальше, значит, в этом был свой смысл.

Он открыл ящик стола и достал оттуда складной нож.

В голове у Сюй Ци словно взорвался снаряд, разметав последние остатки здравомыслия. Он соскочил с кровати и, точно стрела, сорвавшаяся с тетивы, бросился вперед, но движение было мгновенно пресечено. Металлическая цепь резко натянулась, зазвенев от предельного напряжения. Сюй Ци широко распахнул глаза, стиснул зубы так, что на лбу вздулись вены, но не смог продвинуться ни на шаг.

Цзян Янь искоса взглянул на него, прищурился от удовольствия и приставил лезвие к предплечью. Одним точным движением он провел по коже.

Сталь вспорола плоть, и наружу хлынула кровь, пугающе яркая.

Он сделал это так легко, с таким едва ли не блаженным выражением лица, будто не калечил себя, а вознаграждал. Он слегка приподнял нож; кровь, скопившаяся на лезвии, под действием тяжести собралась на кончике и сорвалась вниз двумя каплями.

«Ш-ш-ш...», – Сюй Ци почудилось, будто эти две капли упали прямо на кору его мозга, обжигая до пара.

Сюй Ци задрожал всем телом. Он неверяще смотрел на человека перед собой и, собрав все силы, вытолкнул из себя слова:

— Ты с ума сошел...

— Я никогда и не был нормальным, — ровным голосом отозвался Цзян Янь.

Он снова прижал холодное лезвие к коже. Стоило лишь слегка надавить, как из узкой раны наперебой начали проступать капли крови. Сюй Ци крикнул: «Стой!», но Цзян Янь, не слыша его, продолжал:

— Первое время после того, как ты ушел, я делал это постоянно. Я почти каждый день думал о том, как мне тебя найти, как умолять дать мне еще один шанс.

— Я искал твоих однокурсников, твоих друзей, но никто не знал, где ты. Потом Цзян Юй сказал, что может тебя выследить, и я пошел просить его об этом. Но в итоге он ничего мне не дал, только посмеялся над тем, какой я наивный и никчемный.

— И он был прав. Тогда я был просто мусором. Только благодаря тебе я как-то справлялся с издевательствами окружающих, а стоило тебе бросить меня – и я оказался ни на что не годен. Не то что удержать тебя, я даже не знал, что с тобой стряслось. Каждый раз, когда я думал об этом, мне становилось так тошно, что приходилось переключаться на это, чтобы выплеснуть эмоции.

Он надавил на нож, и часть лезвия погрузилась в плоть, но он словно не чувствовал боли – даже интонация его голоса не изменилась.

Сюй Ци будто схватили за горло. Он задыхался, а его тихое «перестань» превратилось в едва слышный шепот. Он неосознанно снова рванулся вперед, тщетно пытаясь перехватить нож, остановить Цзян Яня, но то ли у него не было сил, то ли цепь была слишком надежной – попытка не увенчалась успехом.

Алая жидкость сочилась из ран, собираясь в ручейки и покрывая левую руку Цзян Яня причудливыми узорами. Наконец он убрал нож, посмотрел на Сюй Ци, а затем, отложив оружие, покачал головой.

— Сюй Ци, присядь на кровать, хорошо? — Попросил Цзян Янь. — Я сейчас же тебя отпущу. Не дергайся больше, иначе сдерешь кожу до крови.

Сюй Ци опешил, едва не лишившись рассудка от этих слов. Простояв мгновение в ступоре, он взорвался яростью:

— Ты посмотри на себя, что ты творишь! Цзян Янь, ты, черт возьми, психопат, ты псих... Живо отпусти меня! Стоишь там и режешь себя, и еще смеешь говорить мне не сдирать кожу? У тебя мозги на месте вообще?!

Мир рухнул. Сюй Ци никогда не терял самообладания до такой степени: наплевав на приличия, с вытаращенными глазами, он выкрикивал ругательства. Его лицо пылало, он пнул кровать, а затем обернулся и дернул за крепление цепи к стене. Цепь отозвалась частым металлическим звоном, а Сюй Ци, скрежеща зубами, бормотал:

— Ну, погоди у меня... Ты у меня, мать твою, дождешься...

Цепь была качественной, а сварка – надежной. Как бы он ни старался, крепление не поддавалось, и он не мог приблизиться к Цзян Яню ни на сантиметр. Тогда он попытался стащить наручники, изо всех сил вырывая кисти рук. Кожа и кости невыносимо болели от давления жесткого металла, на запястьях выступила кровь.

Не выходит, не снимаются...

Дыхание Сюй Ци стало прерывистым, мысли превратились в хаос. Неожиданно мир перед глазами расплылся, влага мгновенно собралась в слезы и закапала на руки.

Силы вдруг покинули его, и он бессильно рухнул на кровать, замерев.

Чьи-то руки мягко обхватили его запястья, ключ повернулся в замке, освобождая из наручников. Губы коснулись его уха, и Цзян Янь прошептал нежнее, чем когда-либо:

— Все, я тебя освободил...

— Ах ты, тварь, пошел ты... — Сюй Ци всхлипнул, не в силах договорить ругательство. Цзян Янь не перебивал, терпеливо ожидая, но продолжения брани не последовало: Сюй Ци с силой повалил его на кровать и крепко прижал к себе.

Он прижимал его к себе судорожно, всем телом, дрожа от пережитого ужаса и уткнувшись лицом в плечо, словно боясь, что стоит ослабить хватку – и тот вырвется, чтобы снова совершить какую-нибудь безумную глупость.

Из его груди вырвался глухой, тихий плач – первый плач, который Цзян Янь слышал от этого человека.

<http://bllate.org/book/18222/1745594>